

*Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки "Фолиант"
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

**ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ: ТАК - НЕ ЖИВУТ, НЕ ГОВОРЯТ, НЕ ПИШУТ.
ТАК МОЖЕТ ТОЛЬКО ОДИН...**

*Разрушение мифа к 75-летию со дня рождения русского писателя,
автора трагической книги «Москва-Петушки»*

*«Что делаешь ты, брат мой, в этом мире, ты, который больше, чем этот мир?
И я поднял голову, и дышал в пространство водочным перегаром, и ничего не видел, кроме
тьмы...»,
«Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не
всегда есть место подвигу...» В. Ерофеев.*

75-тилетний юбилей **Венедикта Ерофеева** (1938-1990), прозаика и драматурга, отмечаемый 24 октября 2013 года, наверняка, пройдет или совсем незамеченным, или поднимет лишь «девятый вал» бульварной волны, выкинет на берег огромное количество мусора, словесного и телевизионного, как это было пять и десять лет назад, в предыдущие юбилейные годы. И ничего не изменит в литературной судьбе самого Ерофеева.

Обыватель краем уха слышал, что был такой вечно пьяный писатель, автор книги **«Москва – Петушки»**. И что эта его поэма стала, якобы, культовым произведением для советского андеграунда.

Но кто же был на самом деле - Венедикт Васильевич Ерофеев, один из отмеченного Богом поколения, один из золотой шеренги детей 37-го года? Сам ли он сотворил о себе миф? Или его придумали те, кто хотел его обреченное трагическое одиночество превратить в примитивную антисоветскую агитку?

Миф о Венечке вряд ли станет когда-нибудь общенародным, подобно мифу о ещё одном знаменитом сверстнике Ерофеева - **Владимире Высоцком**. Читает Ерофеева только достаточно узкий слой интеллигенции. По сути, вместо походов русского алкоголика в пригородной электричке нам предложили интеллектуальный многостраничный монолог автора. Те, с кем Ерофеев пьянствовал в подворотнях и в электричках, его читать не будут.

«Так - не живут, не говорят, не пишут. Так может только один», - эти слова **Беллы Ахмадулиной** подчёркивают необычайную силу и самобытность литературного таланта Венедикта Ерофеева.

Давайте вместе с **читателями библиотеки «Фолиант»**, активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»**, чуть больше прикоснемся к его творчеству и попробуем выяснить, кому было нужно додумывать за писателя всяческие пропагандистские небылицы. Возможно, нам удастся понять, почему его тоненькая книжечка - поэма **«Москва - Петушки»** - и сегодня остаётся одним из главных шедевров русской литературы 20 века.

Итак...

Биография В. Ерофеева общеизвестна. Родился он 24 октября 1938 года на станции Чупа в Карелии. Отец был железнодорожником, 1946 по 1955 год пробыл в ГУЛАГе, куда попал, по одной из версий самого Венедикта Ерофеева, *«за участившиеся аварии на железной дороге»*.

Три года Веня провёл в детском доме на Кольском полуострове. Окончил школу с отличием и поехал поступать в Московский университет в 1955 году. Через полтора года за систематическое отсутствие на занятиях по военной подготовке был отчислен.

Три года работал грузчиком, каменщиком, кочегаром, монтажником кабельных линий связи. В 1959 году поступил в Педагогический институт в Орехово-Зуеве под Москвой, но через год был отчислен *«за моральное разложение»*. В 1961 году поступил во Владимирский пединститут, но и там долго не продержался. До 1974 года был разнорабочим, жил в разных

городах СССР, от Узбекистана до Заполярья. В 1974 году женился на москвичке и получил московскую прописку. С 1966 года - отец, с 1988 - дед.

В 17 лет написал *«Записки психопата»*, в 1962 году - *«Благую весть»*. Зимой 1970 года были созданы знаменитые *«Москва - Петушки»*. Впервые повесть опубликована в Израиле, затем в Париже и только спустя 18 лет после написания - в Москве. Она переведена на многие европейские и азиатские языки. Именно эта повесть сделала Ерофеева известным писателем.

В 1972 году им был написан роман *«Дмитрий Шостакович»*, тогда же и потерял в электричке. Эссе *«Василий Розанов глазами эксцентрика»* писалось для национально-патриотического журнала «Вече», на Западе оно было издано в 1988 году. Весной 1985 года Ерофеев написал пьесу *«Вальпургиева ночь, или Шаги Командора»*, спустя три года ее опубликовал журнал *«Континент»*.

Незадолго до смерти Ерофеев стал популярен на родине, интервью с ним печатались в самых крупных газетах, стали появляться его произведения. С 1985 года был болен раком горла. Умер в Москве 11 мая 1990 года.

Литературные предсказания сбываются

Он не владел даром вымысла. Он не мог справиться с сюжетом. И потому он самого себя сделал центром сюжета. Он забыл о мистической исполняемости литературных приговоров. Из своей поэмы *«Москва - Петушки»* поначалу он сам задумал, замыслил некий весёлый карнавал. Но для карнавала требовался другой герой, а не энтропийный по жизни Венедикт Ерофеев. И потому он сам себе подписал приговор:

- Они даже не дали себе отдышаться - и с последней ступеньки бросились меня душить, сразу пятью или шестью руками; я, как мог, отцеплял их руки и защищал своё горло, как мог... Они вонзили мне шило в самое горло...

Это называется: сам сотворил о себе миф и сам блестяще его исполнил:

- Я не знал, что есть на свете такая боль... И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду...

Поэма *«Москва - Петушки»* была написана с 19 января по 6 марта 1970 года... А 11 мая 1990 года Венедикт Ерофеев умер от рака горла. Спустя 20 лет сбылось собственное предсказание.

Что заставило Венедикта Ерофеева с первых же своих произведений так педантично вести эту тему горла? Даже в жизни, как вспоминают очевидцы: *«...Горло своё он, будучи млад и прекрасен, всегда стыдливо прикрывал, стягивал ворот рубашки без пуговиц»*. Ещё: *«А если верхняя пуговица и растёгнута, то Веня воротничок придерживал рукой, чтобы он не распахнулся. Это был его характерный жест»*. Интуитивно оберегал горло, чувствовал, откуда погибель. А на страницах своей книги сам шёл навстречу этой гибели.

Он не только своё проткнутое горло предвидел, но и пятницу, день своей смерти.

- О, эта боль! О, этот холод собачий! О, невозможность! Если каждая пятница моя будет и впредь такой, как сегодняшняя, - я удавлюсь в один из четвергов!.. Не случайно он старался свои пятницы... пропивать, переносясь из запойного четверга в похмельную субботу. Но судьбу обмануть не удалось.

Правы ли литературные критики?

Литературная критика признает, что осознанное обречённое одиночество Ерофеева, его трагическая судьба - это часть России. И нескончаемое похмелье, и выбросы отчаяния, и усталость его души, и даже его злость, его нападки на мир, на общество, на людей, его антипафосность - не придуманы, не фальшивы. Он нёс в себе своё дезертирство, то гордясь им, то томясь от него. И это часть подлинной нашей жизни.

В своём поколении он выбрал свою нишу, как рак-отшельник, и забился в раковину, не желая быть в обществе, не желая быть кем-то призванным. Веничка постоянно «одинок и растерян», а Розанова считает своим литературным отцом:

- Этот грустный ядовитый фанатик, этот токсичный старикашка... он спас мне честь и дыхание... Все тридцать шесть его сочинений вонзились мне в душу и теперь торчат в ней, как торчат три дюжины стрел в пузе святого Себастьяна.

От Василия Розанова у Венички Ерофеева и постоянный интерес к еврейской теме. Казалось бы: что она ему, и что он ей! Ни в антисемитизме, ни в сионизме не замешан. Но борьба-то идёт в своей душе, один аргумент против другого аргумента. Патриоты все противны, но и «жидовская морда» далеко не лучше... Отсюда и разброс собственных мнений по разные стороны, по всем страничкам дневников и книжек.

В пьесе «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» еврейская тема становится определяющей и также остаётся нерешённой...

Сейчас критики пробуют убедить читателей Ерофеева, что в этой пьесе автор именно себя трактует как Гуревича. Действие пьесы происходит в сумасшедшем доме, в палате номер три. Эрудит и алкоголик Гуревич, регулярный пациент этой психбольницы, влюбляет в себя медсестру Натали, крадёт у неё чуть ли не ведёрную бутылку со спиртом и устраивает грандиозную пьянку в палате. Спирт оказывается метиловым, о чём Гуревич чуть ли не сразу догадывается, но продолжает подливать соседям по палате. Сам слепнет, все остальные обитатели - трупы.

Но разве в этом стремлении к суициду душа ерофеевская? Разве он позволит себе, даже если случилось бы по его вине какое-либо несчастье, ещё и усугублять это несчастье? Добывать поверженных? «Заметить-то я сразу заметил» (что спирт метиловый). Но и почти ослепнув и умертвив палату, всех стариков и пацанов, Гуревич тянется ещё найти медбрата Бореньку. «Ощупью, ощупью, потихоньку. Всё-таки дотянусь до этого горла». Опять ему чьё-то горло требуется. Не Веничкино ли?

По всем признакам герой пьесы Ерофеева «Вальпургиева ночь...» - явный антипод автора. И явный антигерой. Он готов и умирая совершить подвиг за десятерых Маресьевых и Космодемьянских... Уже одно это качество, столь ненавистное для Венедикта Ерофеева, показывает отношение автора к своему герою.

А, кроме того, Венедикт Ерофеев был лишен дара вымысла, дара сюжета, дара перерождения. Он не может, подобно Флоберу, превращаться в мадам Бовари.

Литературные критики считают, что пьеса «Вальпургиева ночь, или шаги Командора» - это художественная неудача автора, ведь там все герои говорят одним и тем же языком - языком неповторимого Венички. Все герои чужды автору, они все - готовы к действию, к схваткам, к сражениям. Ни один из них, как Ерофеев, не скажет:

- О, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы, как и сейчас, тих и боязлив и был бы так же ни в чём не уверен: ни в себе, ни в серьёзности своего места под небом - как хорошо бы! Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! - всеобщее малодушие. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигу...

Если всерьёз, то Ерофеев - автор одной трагической книги «Москва-Петушки», и не более. Права Белла Ахмадулина, когда написала о поэме:

«Прочтённое мною - сирота, единственность, не имевшая даже двоюродного родства с остальными классическими сочинениями. Одиночество, уникальность, несхожесть ни с чем.

Для мифа хватило одной книжки и одной тяжелой болезни...

Каким же был сам Венедикт Васильевич Ерофеев и чем выделялся он из своего поколения?

Миф о Веничке создан шестидесятниками потому, что именно из Венички вдруг выплеснулось, да ещё в таком концентрированном виде то, что распространялось по всему

образованному обществу. Чем больше нарастала фальшь позднебрежневского времени, тем больше нарастало смятение, расколотость сознания, обречённость, пессимизм в новом поколении гуманитариев.

Кончился сталинский порыв, ничего нового власти не придумали. На страну надвигался застой. Ещё не заявила о себе всерьёз проза сорокалетних с их мятущимися героями, но уже первый из них - пьяный Веничка - метался по вагонам подмосковной электрички. Победа Ерофеева была в том, что его герой появился вовремя, и ощущения были всамделишными. Шедевры рождает только подлинность.

Журналистом **Владимиром Бондаренко** очень верно подмечено, как серьёзно и последовательно писалась «Москва – Петушки» согласно выпитым героем поэмы дозам. -

- Первые главы - угрюмо-похмельные, когда он возвращается домой из Москвы утром с ночного загула. И правда же - все нервы на пределе, шатает как былинку. Затем организм приходит в норму, идёт каскад метафор, цитат, всё ярко и талантливо, все люди - братья, у каждого - свои истории. «Остановись мгновенье, ты прекрасно...» Но переходишь дозу, отрывочные проблески сознания, злость и агрессивность, и впадаешь в бред и фантазии... И уже меняешь электрички, оказываешься где-нибудь, если не на Курском вокзале, то в Загорске или Александрове, вместо родной «Правды»...»

Первый пласт достоверности, пережитое, самый сугубый реализм. Но писалось-то в трезвом виде! Значит, анализ прожитого, физиологический очерк. И это уже немало. Трезвый и непьющий так не напишет. А алкоголику постоянно не хватает объёмности, запаса, времени, длинной мысли... Что и случилось с Ерофеевым позднее. Что случается со всеми постоянно и много пьющими писателями, как XIX, так и XX века. От **Помяловского** и братьев **Успенских** до **Юрия Олеши**, и так далее...

В тяжёлой болезни, в короткой жизни, в одиноком произведении есть всегда для творца место мифу и легенде. **Рембо, Вийон, Лорка**, а уж в России - то каждый второй - **Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Маяковский, Есенин, Рубцов, Шукшин, Высоцкий, Ерофеев**... Венедикту Ерофееву для мифа хватило одной книжки и одной болезни.

Венедикт Ерофеев откровенно поймал свой миг удачи, свой трезвый период, и в едином порыве и на одном дыхании изобразил свою судьбу. Он не только сконцентрировал всю свою жизнь на пространстве от Москвы до Петушков, всего-то немногим более ста километров, всего-то двести страничек карманного издания, но поставил сам на ней - жизни своей - последнюю точку.

После этого писать было нечего, да и жизнь пошла по инерции. За все-то годы написались лишь эссе о Розанове и пьеса. Всё остальное - фрагменты и дневниковые записи. Потому и стал Ерофеев легендой, мифом ещё при жизни, что как бы не дописал, как бы не договорил.

По мнению критика **Эпштейна**, *«он себя разрушал, скорее всего, сознательно. Он разрушал себя как автора - и это отзывалось в погибающем персонаже. Он разрушал себя как персонажа - и это отзывалось в погибающем авторе...» «Они вонзили мне шило в самое горло...»*

Если бы не лёгкость Вениного саморазрушения, как посмел бы он так пророчить о себе?.. И ведь в самом деле, прожив после такого конца двадцать лет, Веня так больше и не приходил в полноту творческого сознания. Писатель, предназначенный судьбою на дальний путь, так бы не закончил свою книгу. И потом на книге всерьёз лежит тень реальной смерти.

Подлинная трагичность - второй, самый значительный пласт ерофеевской книги. Те, кто творил миф о нём, и не пили так, и не умирали так. Не случайно же лимоновский Эдичка не пошёл по пути своего старшего брата и при всей своей подлинности благополучно пережил катарсис.

Хорошо знавшая Ерофеева **Лидия Любчикова** пишет, что позднее он утратил свою изумительную способность не пьянеть.

-Он остался такой же весёлый и хороший, как в молодости, но только когда был трезв, а это случалось реже... Пьяным он становился совершенно другим - резким, неприязненным. Его трудно стало любить - ценить, все прочее, а любовь он мог оттолкнуть очень резко...

Весёлое бражничество переходит в угрюмое, истерическое, глухое пьянство. Как уберечь от этого русскую литературу? Трагичность высокообразованного Венечки перерастает в трагичность зашедшего в тупик общества, в трагичность растерявшего свой пафос народа. Это и делает «Москву - Петушки» знаковым произведением.

Выдуманный писатель?

«*Выдуманный писатель*», - едко заметил о Ерофееве критик **Владимир Новиков**. С точки зрения писательского профессионализма верно заметил. Он такой же выдуманный, как его далёкий антипод **Николай Островский**, с которым Венечка скрытно воюет на протяжении всей книги.

Близнецы-антиподы. Оба - цельные натуры. Оба - больны и неустроены. Оба - профессионально не писатели. Не авторы тридцати томов сочинений. Оба - создали в своих коротких творениях цельный образ своего времени. Первый - Николай Островский - описал свою жизнь, и это была жизнь, характерная для эпохи подъема, эпохи романтического пафоса. Второй - тоже описал лишь свою жизнь, и это была жизнь, характерная для эпохи заката идеи.

Книга Ерофеева является как бы заключительной главой того великого мифа, у которого первой главой был роман «*Как закалялась сталь*», а где-то посередине «*Повесть о настоящем человеке*». В финале великого мифа звучат ерофеевские слова:

- И Алексей Маресьев сказал: «У каждого в душе должен быть свой комиссар». У меня в душе - нет своего комиссара. Нет, разве это жизнь? Нет, это не жизнь, это фекальные воды, водоворот из помоев, сокрушение сердца. Мир погружен во тьму и отвергнут Богом...

Герой потерял свой миф, и ему незачем стало жить...

Об Островском, также как о Ерофееве, профессиональные литературоведы одинаково профессионально отзывались: «*выдуманный писатель*». И аргументы примерно одинаковы: не владеет сюжетом. Не может проникнуть в чужой мир, создать вымышленный образ. И как самое сильное принижение - такие исповеди можно писать километрами.

Верно же... Но кто-то должен быть первый, подлинный! И стали писать повторения, подделки. Вослед Островскому. Вослед Венечке... Но ни у кого не было подкрепленности книги судьбой автора...

Любая идея крепится кровью. Всамделишная, подлинная кровь Ерофеева и отдаляет в заоблачную высь автора поэмы от сотен постмодернистских последователей.

Жить не по лжи

Он изначально определил неправильность своей жизни и старался не уклоняться от этой неправильности.

- Из всех людей моего поколения одного только меня не взяли в Красную Армию, и то только потому, что у меня изжога и на спине два пупырышка...

Его друг **Игорь Авдиев** рассказывал, как долгие годы уклонялся Ерофеев от воинской службы, и чего это ему стоило...

А разве, по сути, не уклонялся он также и от институтского диплома? Учась в четырёх (!) гуманитарных вузах, от величественного МГУ до Владимирского пединститута, он умудрился так и не получить диплома... Не надо задним числом придумывать антисоветские версии: на очном, заочном, вечернем, экстерном мог получить диплом самый опасный диссидент. Нет, другая судьба была предначертана автору «Москвы - Петушков».

И бытовая неустроенность также была predetermined. Ерофеев женился дважды. В 1966 году у него родился сын **Венедикт Венедиктович**, после чего он зарегистрировал брак с его матерью **Валентиной Васильевной Зимаковой** (1942-2000).

Но не раз бежал от семейной устроенности. Недаром его появление в один из периодов краткой семейной жизни с роскошным портфелем и мягкими кожаными тапочками так всех удивило... Долго ли он терпел этот портфель и уютное гнёздышко? Он, как колобок, и от бабушки, и от дедушки ушёл, только вот от Гуревича с флягой спирта отравленного, как от лисы, не смог уйти...

Кстати, вторая жена **Галина Павловна Носова** (1941-1993) покончила с собой через три года после смерти мужа, выбросившись с 13 этажа, с балкона их квартиры на Флотской улице Интеллигенцию, среди которой В. Ерофеев находился и которая его воспевала, он презирал:

- Советская интеллигенция? Господи, а это что такое?.. Это чистойшей болтовня. Чего им наследовать? Советская интеллигенция истребила русскую интеллигенцию, а она еще претендует на какое-то наследство...

Вспомните: отца у Венички арестовали в 1946 году, из шести детей он был пятым, пришлось три года в детском доме провести. Ничего, бандитом не стал, золотую медаль в школе города Кировска получил. И так до конца школы из Мурманской области никуда не выезжал.

Своей северной родиной всегда гордился, считал своими земляками и **Сибелиуса**, и **Гамсуна**, и **Ибсена**, всех великих финнов и скандинавов. Даже написал во Владимирском пединституте статьи о северных земляках - об Ибсене, **Бьернсоне**, и о Гамсуне...

После школы легко поступил в МГУ. Все отмечали не только его жалостливость, деликатность, готовность к самопожертвованию, но и его исключительные способности и исключительную, феноменальную память. Задатки были удивительными, но...

Но.

Началась уже ерофеевская эпоха, уже сам себя определил он как вольную птицу. В том и парадокс, что его изгоняла отовсюду не партия, не власть. Именно такой подвижный рак-отшельник, без прописки и дипломов, становится индикатором своего времени. Его отрешённость и обреченность, его бомжеское безразличие к пафосу совпали с моментом, когда вся интеллигенция в душе становилась такой же безразличной и малодушной.

Он потерял веру в жизнь в тот момент, когда её начали терять все - от деятелей ЦК до суровых генералов оборонки. Он был человеком подлинным и видел лицемерие и двойную мораль ни во что не верящих циничных любителей власти.

-Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу... Чтобы по ней подыматься, надо быть жидовской мордой без страха и упрёка. А я - не такой.

Отсюда и выход - в удушении, в метаниях своих.

Подлинный Веничка, или Мне не о чем с вами пить...

Ерофеевское беспробудное пьянство стало своеобразной формой национального русского сопротивления той же чиновничьей бездушной машине. Он пил, как выполнял долг, как ходил на работу, он демонстрировал свой способ существования. Все видели лишь его искромётные афоризмы, блестящие маски, его карнавал, а слёзы, что текли под маской, были невидимы.

С неизбежностью на него напало ожесточение. Нормальную жизнь он воспринимал как предательство, как презираемое им обывательство. И здесь он своей подлинностью повторил дальнего антипода Николая Островского. Они одинаково презирали нормальное мещанское существование, только вместо фикусов и канареек аргументами сытого благополучия у Ерофеева стали цитаты из «Малой земли» и ссылки на классиков марксизма.

Но в неуклонном безжалостном следовании своему неправильному образу жизни, как способу жить не по лжи, Ерофеев не мог не погибнуть. Он и был неправильным героем. Его пьяная электричка была обломовским диваном. И в той подлинности существования он был предельно русским, последовательно русским, может быть, одним из наиболее подлинных русских типов в литературе конца XX века! Даже в пьяной брани в адрес страны он оставался до предела русским.

Его безжалостная подлинность была не так уж удобна и в среде его друзей. Он и от них тоже требовал подобной неправильности жизни. Поэтому знаменитые шестидесятники предпочитали с ним изредка напиваться, на миг встраиваясь в его ряд, а поутру незаметно исчезали в своё благополучие, и, кстати, не особо утруждая себя реальной помощью.

Отчаяние заводило Венедикта Ерофеева в тупики. Он и пьянство своё последовательно объясняет чисто по-русски - любовью и жалостью к народу. Какой английский или американский пьяница, какой **Фицджеральд** или даже **Хемингуэй** будет свою любовь или привычку к сильной выпивке оправдывать жалостью к народу?

- Все эти Успенские, все Помяловские - они... отчаянно пили! Пили оттого, что честны, оттого, что не в силах облегчить участь народа! Народ задыхался в нищете и невежестве... народ не может позволить себе говядину, а водка дешевле говядины, оттого и пьёт русский мужик, от нищеты своей и пьёт... Ну, как тут не прийти в отчаяние...

Оставьте мою душу в покое...

Он на самом деле в своём поколении и даже во всей литературе своего времени был одинок. Не случайно коронная фраза Венечки: *«Мне с вами не о чем пить...»*

Остаётся - умереть, и писатель, заряженный энергией саморазрушения, отрицая старые мифы и не видя новых, живительных для России мифов, в тотальном социальном безверии, в непоследовательном атеизме и в непоследовательном христианстве, сам бросает себя на острие громадного шила:

-А я очень скоро умру, я знаю, - умру, так и не приняв этого мира, постигнув, но не приняв, - умру...

Это и есть ерофеевский героизм саморазрушения.

Для нас Венедикт Ерофеев - один из примеров русского индивидуализма. В России человек без веры, человек в тотальном одиночестве обречён на гибель. Ерофеев пророчески увидел конец мифа: в душах людей, его окружающих, в городском фольклоре и в анекдотах, в интеллигентской болтовне и в цветном телевизоре Гуревичей. Нового мифа он не нашёл. К христианству была тяга, было потаённое стремление, но уже не было сил на полноту обретения.

Он - всего лишь мазок из гениального творчества Достоевского. Но и этого немало для нашего времени. Он был одним из нас. Он был русским писателем XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

Его произведения:

1. Ерофеев В.В. Собрание сочинений. В 2-х т.т.-М.: Вагриус, 2007.- 352 с.

2. Ерофеев В. В. Бесплезное ископаемое.- М.: Издательский дом «Вагриус», 2001.

Аннотация:

«Книгу составили выдержки из записных книжек писателя, которые он вел не один десяток лет. По ним можно проследить формирование его личности, отношение к окружающей действительности, современникам, самому себе. Текст напечатан с сохранением авторской орфографии и пунктуации во всей их противоречивости и непоследовательности».

3. Ерофеев В.В. Вальпургиева ночь, или шаги Командора.- М.: Издательский дом «Захаров», 2004.

Аннотация:

«Как известно, советское общество много лет делало то, о чем не говорило, и думало так, как нельзя было думать, а писатели тем временем выполняли госзаказы. «Иноверцы» же уходили в подполье.

Венедикт Ерофеев (1938-1990) писал, как хотел, писал, что хотел - и издавал по своей цене! В литературном процессе Ерофеев, подобно герою его произведения «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» Гуревичу, «чувствует себя, как в чреве мачехи». Он - инородное тело в

советской литературе и зачинатель русского постмодернизма. Пьеса «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» является единственным драматургическим произведением, сохранившимся в законченном виде. Остальные Ерофеев либо бросал, не дописав и до середины, либо просто безвозвратно терял.

В пьесе Ерофеев создал такое зеркало общественной жизни, которое понравилось не всем. Он изобразил советское общество таким, каким оно было, ничего не меняя».

4. Ерофеев В. В. Записки психопата. 1956-1958 г.г. - М.: Издательский дом «Вагриус», 2000. - 444 с.

Аннотация:

«До недавнего времени подавляющее большинство читателей знало Венедикта Ерофеева лишь как автора «Москвы – Петушков». Конечно, и одного этого произведения хватило бы, чтобы его создатель занял не последнее место в российской словесности нашего столетия, однако творческое наследие Ерофеева оказалось гораздо шире. Более того - никто не может точно сказать, из чего оно состоит и каков его объем, ибо несколько последних лет восхищенные поклонники писателя имели возможность знакомиться все с новыми и новыми его текстами. Первым заслуживающим внимания сочинением считаются «Записки психопата» (1956-1958 гг.), начатые в 17-летнем возрасте, самое объемное и нелепое из написанного.»

5. Ерофеев В. В. Мой очень жизненный путь / Подгот. авторских текстов В. Муравьева. - М.: Издательский дом «Вагриус», 2008. - 624 с. - Тираж 5000 экз.

6. Ерофеев В. В. Москва - Петушки: Поэма. - М.: Изд-во СП «Интербук», 1990. - 128 с. - Тираж 200 000 экз.

7. Ерофеев В. В. Москва - Петушки: Поэма/ Комментар. Э. Власова. - М.: Издательский дом «Вагриус», 2002. - 575 с. - Тираж 3000 экз.

8. Ерофеев В. В. Москва - Петушки: Поэма.-М.: Издательский дом «Вагриус».- 2007

Аннотация:

«Во всей земле, от самой Москвы и до самых Петушков - нет ничего такого, что было бы для меня слишком многим... Автор»

9. Ерофеев В. В. Москва - Петушки / Илл. В. Голубев. - СПб.: Вита Нова, 2011. - 520 с.

О нем:

1. Бавин С. Самовозрастающий Логос (Венедикт Ерофеев): Библиогр. очерк. - М., 1995. - 45 с.

2. Безелянский Ю. Н. Страсти по Луне: Книга эссе, зарисовок и фантазий. - М.: «Радуга», 1999. - 368 с.

3. Благовещенский Н. По ту сторону Москвы - к Петушкам: Исследование поэмы В. Ерофеева «Москва - Петушки», её героя и автора с точки зрения различных глубинно-психологических подходов // Russian Imago 2001: Исследования по психоанализу культуры. - СПб.: Алетейя, 2002. - Стр. 428-454.

4. Благовещенский Н. А. Случай Вени Е.: Психоаналитическое исследование поэмы «Москва - Петушки». - СПб.: Гуманитарная академия, 2006. - 256 с.

5. Бондаренко В. Дети 37-го года: Роман-газета. - 2003.- №11.- Стр. 42-49.

Венедикт Ерофеев, 26 октября 1938 года - 11 мая 1990 года // Театр. - 1991. - № 9. - Стр. 74-122.

6. Гаспаров Б., Паперно И. Встань и иди// Slavica Hierosolymitana. - 1981. - Vol. V-VI.- Стр. 387-400.

7. Зорин А. Пригородный поезд дальнего следования //Новый мир. - 1989. - № 5. - Стр. 256-258.

8. Карелин В. Книги о психоанализе культуры, её психоаналитиках и пациентах // Новое литературное обозрение. - 2007. - № 85.

9. Муравьев В. Высоких зрелищ зритель// Ерофеев В. В. Записки психопата. - М.: «Вагриус», 2000. - Стр. 5-12.

10. **Седакова О.** Венедикт Ерофеев //Ерофеев В. В. Мой очень жизненный путь.- М.: Вагриус, 2008. - Стр. 590-601.
11. **Фрейдкин М.** О Венедикте Ерофееве//Фрейдкин М. Каша из топора.- М.: Время, 2009. - Стр. 294-318.
12. **Шмелькова Н.** Во чреве мачехи, или Жизнь - диктатура красного. - СПб.: Лимбус Пресс, 1999. - 304 с.
13. **Шмелькова Н. А.** Последние дни Венедикта Ерофеева: Дневники. - М.: Вагриус, 2002. - 320 с.: фот.